

Цзян Пэйи мягко сказал:

— Не торопись, ты можешь подумать еще раз, не нужно уходить надолго, просто выйди из поля зрения.

Мяо Хун молчала еще дольше, прошло около минуты, прежде чем она снова заговорила:

— Он, кажется... сходил в туалет, но вернулся меньше чем через десять минут, а потом вечером снова вышел и больше не вернулся.

Мяо Чэнжэнь и Бянь Шуцюань были соседями, и пройти от одного дома до другого можно было за минуту. Десяти минут для преступления было более чем достаточно.

В голове Линь Фэйши возникла картина:

Бянь Шуцюань был дома один, когда сосед Мяо Чэнжэнь неожиданно нанес визит, сообщив, что в деревне разработали новый вид наркотиков, и спросил, не хочет ли он попробовать.

Бянь Шуцюань, как заядлый наркоман, не смог устоять перед таким соблазном и, не задумываясь, согласился.

Мяо Чэнжэнь достал шприц и ввел его в руку Бянь Шуцюаня — это был вовсе не новый наркотик, а яд, способный убить человека за короткое время.

Затем Мяо Чэнжэнь, возможно, с улыбкой покинул дом Бянь Шуцюаня и вернулся к себе.

Линь Фэйши спросил:

— В котором часу он пошел в туалет?

Мяо Хун задумалась:

— Где-то в половине пятого, ближе к пяти, я точно не помню.

«Цзян Пэйи сказал, что время смерти Бянь Шуцюаня приходится на период с пяти до шести вечера!»

Линь Фэйши, сохраняя невозмутимость, продолжил:

— В период перед исчезновением Мяо Чэнжэня он вел себя как-то странно?

— Он отправил нашего сына прочь, сказал, что скоро и меня заберет, уедем из этого места и больше не вернемся. Сказал, что скоро у нас будут деньги, и нам больше не придется зависеть от деревни, велел мне собирать вещи.

Линь Фэйши почувствовал нечто странное в этих словах и уточнил:

— Почему он решил уехать? Разве он не хотел оставаться в деревне Табу?

— Лао Мяо всегда не хотел заниматься наркоторговлей, но деревня давала нам деньги, заставляла работать на них, выходить ночью и следить, чтобы чужие не проникли в деревню. Мы не хотели этим заниматься, но у нас не было выбора, мы слишком бедные, если деревня не будет нас содержать, мы не выживем.

Все справедливость, добро и зло в мире, вероятно, меркнут перед словами «мы слишком бедные», особенно когда бедность настолько сильна, что ставит под угрозу само выживание. Желание выжить способно подавить любые возражения с абсолютным превосходством.

Деньги могут заставить черта работать, иногда люди хуже чертей.

Линь Фэйши, подперев подбородок рукой, спросил:

— Почему он вдруг решил уехать с тобой? Откуда у него деньги? Ты спрашивала его?

— Он не сказал мне, сказал, чтобы я не спрашивала, я всего лишь женщина, и куда он пойдет, туда и я пойду, — почти бесчувственно ответила Мяо Хун. — В ту ночь Лао Мяо вышел по графику на патрулирование и больше не вернулся.

Линь Фэйши всегда испытывал отвращение к идее «принадлежности», особенно когда это произносилось из уст женщины, что заставило его брови едва заметно опуститься.

Эта женщина с потухшим взглядом, слегка дрожащим голосом, спросила:

— Товарищ полицейский, Лао Мяо... что с ним случилось?

Линь Фэйши, не моргая, смотрел на Мяо Хун, в его глазах мелькнула легкая улыбка, он встал и тихо произнес:

— Он умер.

Затем он развернулся и вышел из комнаты для допросов.

— Эй, ты все слышал? — Линь Фэйши, держа в руке неположенный телефон, зашел в офис.

— Угу.

Цзян Пэйи собирался высказать свои мысли, как вдруг услышал непринужденный голос собеседника:

— Что хочешь поесть вечером?

... Цзян Пэйи вынужден был сменить тему:

— Тебе не нужно больше приходить, если что-то понадобится, я попрошу медсестру.

— Еда в столовой ужасная, даже моему сыну не дам. Вечером будем есть суп с креветками и ямсом. Я сначала домой, потом встретимся и поговорим.

Цзян Пэйи сначала удивился, что у Линь Фэйши уже есть сын, а затем подумал, откуда бралась еда, если не из столовой — неужели Линь Фэйши сам готовил?

При этой мысли выражение лица Цзян Пэйи слегка изменилось.

... Он всегда не любил быть в долгу, потому что считал, что это слишком обременительно, и в итоге приходится строить «человеческие отношения», с которыми он не умел справляться.

В шесть вечера Линь Фэйши принес в палату только что приготовленный горячий суп, привычно разложил столик у кровати, достал из шкафа две миски, налил суп и поставил перед

Цзян Пэйи.

Цзян Пэйи взглянул, в миске плавало множество крупных креветок, что совершенно не соответствовало плотности морепродуктов в супах из других заведений, где креветки были «одной каплей в море». Под ними были ямс, зелень, куриные полоски, гребешки и прочее, все сбалансированно и питательно.

Цзян Пэйи понимал, что его отношение к Линь Фэйши никогда не было особенно теплым, даже скорее холодным. Он всегда так относился к людям, без исключений.

Но Линь Фэйши, кажется, совершенно не обращал на это внимания, каждый день улыбался, и если Цзян Пэйи говорил чуть резче, он начинал мягко уговаривать «не сердись», как капризная девушка.

Цзян Пэйи ничего не мог с этим поделать.

Линь Фэйши сел на край кровати, помешивая ложкой суп, и сказал:

— Я думаю, что все дело в том, что если действительно есть этот тигр, который хочет расширить свои владения в городе Чунгуан, то сначала он должен устранить другого тигра.

— Он знал секреты деревни Табу, но не стал действовать сам, а каким-то образом привлек внимание полиции к этому месту, заставив их самих начать расследование.

— Мяо Чэнжэнь был его первой пешкой, он убедил его убить Бянь Шуцюаня, соблазнив деньгами и свободой, а затем довел дело до полиции. Следующим шагом полиция стала его второй пешкой, ему оставалось только ждать, пока полиция уничтожит деревню Табу, и он практически без усилий устранил своего самого сильного врага.

— Мяо Чэнжэнь в ту ночь, вероятно, отправился на встречу с тигром, но не ожидал, что тот нарушит обещание и просто убьет его.

Цзян Пэйи молчал, его холодные черты лица казались особенно безразличными.

Линь Фэйши продолжил:

— Согласно этому рассуждению, можно составить предварительный портрет этого тигра. Он очень умен, имеет большой опыт в преступлениях, жесток, жаден, презирает жизнь, а также обладает большими запасами наркотиков, вероятно, имеет точки сбыта и в других частях провинции.

Тело Бянь Шуцюаня было поспешно кремировано по приказу Лань Цзяна, охваченного страхом разоблачения. А тот, кто сообщил о происшествии в ту ночь, вероятно, и был убийцей Бянь Шуцюаня, он сам поднял тревогу, но теперь убийца стал второй жертвой.

А настоящий охотник, выжидающий в тени, все еще скрывается, его черный силуэт едва различим за густым туманом.

Что же произошло в ту ночь, когда умер Бянь Шуцюань, как его убили, с исчезновением обоих участников событий это уже невозможно установить. Правда была похоронена вместе с его останками, и теперь нет никаких доказательств.

Цзян Пэйи долго молчал, а затем внезапно произнес:

— Капитан Линь, нам не хватает самого важного.

Линь Фэйши поднял глаза:

— Да?

— Доказательства, — Цзян Пэйи четко произнес каждое слово. — Фактически, на данный момент у нас нет никаких доказательств, все это лишь твои догадки, и они могут быть полностью ошибочными.

Линь Фэйши слегка улыбнулся:

— Но сейчас двое известных нам людей уже мертвы, один превратился в прах, другой разорван на куски в мешке для трупов, остальные ничего не знают об этом деле. Если только тигр сам не явится, то шансы поймать его практически равны нулю.

— Я послал людей проверить, Мяо Чэнжэнь за несколько дней до происшествия получил два звонка с неизвестных номеров, оба были сделаны из телефонных будок. Мы можем определить место, откуда звонили, но, скорее всего, там нет камер, и, учитывая ум тигра, он, вероятно, не оставил отпечатков пальцев.

— Когда закончим с этим, пошлем людей обыскать дом Мяо Чэнжэня, может, найдем что-то полезное.

Цзян Пэйи заметил, что хотя Линь Фэйши во многих аспектах не соответствует образу следователя, в некоторых областях его интуиция очень остра, например, в рассуждениях.

<http://bllate.org/book/17716/1655658>